

Вольтера предпочли Шилклоперу

объявлен лауреат «Букера»

МАРИЯ ТЕРЕЩЕНКО

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Прогнозировать результаты фестивалей и премий — дело гиблое. Как правило, ничего предугадать невозможно. На церемонии вручения «Букера — Открытая Россия» — 2004 председатель жюри Владимир Войнович остроумно заметил, что выбор жюри редко устраивает публику, и выразил надежду, что их решение, несмотря на свою спорность, не вызовет таких волнений, какие происходят сейчас на Украине. Это предисловие тем более остроумно, что было совершенно излишне. «Букер» сего года стал приятным исключением из правил: мало кто решится спорить справедливость вручения премии Василию Аксенову.

Именно Аксенова в качестве наиболее вероятного победителя называли почти все, кто пытался предугадать имя нового букероносца. Те же, кто не верил в победу автора «Московской саги», аргументировали свои сомнения примерно так: «Ну, Аксенов слишком уж распиарен в последнее время, из-за этого могут не дать». Однако далеко не все, пропившие Аксенову победу, основывались в своих предсказаниях на внимательном прочтении его романа «Вольтерьянцы и вольтерьянки», который, собственно, и был выдвинут на премию, а также романов-конкурентов.

«Вольтерьянцы и вольтерьянки» — книга прелюбопытная и ювелирно написанная, но довольно трудночитаемая. Освоение не-привычной для глаза и уха старинной лексики, странных речевых оборотов, философских и социальных идей, высказанных и аргументированных опять же в старинной манере, требуют от читателя романа определенных усилий. Впрочем, сложность текста отчасти компенсируется увлекательным сюжетом, обилием интересных фактов из жизни Вольтера и замечательным аксеноуским остроумием. Автор то полностью погружается в стилистику XVIII века, то вдруг, иронически отстранившись, выдает какой-нибудь забавный комментарий. Рассказывая **Газете** о своих опытах над языком, Василий Павлович заметил: «Не думаю, что я первый, кто пытался так сти-

Василий Аксенов
впервые в жизни получил
литературную премию

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

лизовать. Но мне кажется, я добился некоторой оригинальной амальгамы стариинного слога и современной, отчасти тусовочной речи. Соединил это в конгломерат языка, который дал мне возможность на одном дыхании писать и получать от этого большой кайф, то есть по-русски удовольствие. Я думаю, что, поскольку в России сейчас все больше людей говорят на европейских языках, то постепенно возникнет желание экспериментировать с современными языками Европы или Азии. Вот Сорокин, я читал, вроде пытается по-китайски писать». Несмотря на свои многочисленные достоинства, «Вольтерьянцы» — слишком уж специальный роман, слишком на любителя, чтобы называться «лучшим романом года». Вполне логично было бы предположить, что премия Аксенову была выдана в большей степени за предыдущие заслуги, за богатую творческую жизнь, которая несомненно достойна не одного, а целых десяти «Букеров». Если же абстрагироваться от имен авторов, а смотреть сугубо на представленные в шорт-листе тексты, то, пожалуй, самым ярким романом можно назвать «Номер

один, или В садах других возможностей» Людмилы Петрушевской. Первый роман знаменитого драматурга и мастера рассказа хорош не только стилем, но и своей идейной насыщенностью. «Номер один» — это одна из лучших литературных попыток осмысливать нашу современную российскую жизнь. Впрочем, как справедливо замечали в приватных разговорах литературные критики, роман Петрушевской слишком мрачен, чтобы претендовать на главный приз. Если же исходить из политических соображений, которые, кстати, официально фигурируют в кredo «Букера»: «Цель премии — привлечь внимание читающей публики к серьезной прозе, обеспечить коммерческий успех книг, утверждающих традиционную для отечественной литературы гуманистическую систему ценностей», — то вполне можно было бы отметить высочайшим вниманием роман Анатолия Курчаткина «Солнце сияло». К сожалению, эта прекрасная книга, рассказывающая о постперестроенном десятилетии, осталась почти незамеченной как прессой, так и читателем. А жаль. Говоря о 90-х годах прошлого века, автор находит удивительно

точную и деликатную интонацию. В исполнении Курчаткина 90-е — пусть опасное, пусть суровое, пусть тяжелое, но все же безмерно романтическое время, полное надежд, иллюзий и чаяний.

На этом разговор о списке «Букера» можно бы и завершить, поскольку опусы младшего поколения писателей выглядят на фоне трех перечисленных романов бледновато. Алексей Слаповский выступил с очередной развлечаловкой под названием «Качество жизни», состоящей из романа «Адаптатор» и связанных с ним по смыслу рассказов (примерно как в «ДПП»). «Валторна Шилклопера» Марты Петровой тоже не слишком интересна: описание в дневниковой форме рабочих будней обычной женщины-дизайнера-домохозяйки не отличается какой-то особой художественностью. А уж о книге Олега Зайончковского «Сергей и городок» и говорить нечего: тот факт, что простой подмосковный слесарь пишет рассказы, может, и прекрасен сам по себе, но вовсе не является поводом вручать ему такую престижную, по российским меркам, премию, как «Букер».